

ЭЛЬВИРА АБДУЛОВА

Дарованные встречи



Эльвира Абдулова

Дарованные встречи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37664836

ISBN 9785449340979

Аннотация

Преподаватель с многолетним стажем работы делится своими размышлениями и добрыми воспоминаниями о начале собственного пути и первых шагах самостоятельной жизни своих взрослых учеников. Они предстанут перед читателями совершенно разными: одаренными и великодушными, ищущими себя и восстающими против несправедливости и жестокосердия современного мира, воюющими с непримиримыми родителями и мечтающими о счастье.

Содержание

Дарованные встречи	5
1	5
2	14
3	22
4	31
5	41
6	44
7	52
8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дарованные встречи

Эльвира Абдулова

© Эльвира Абдулова, 2018

ISBN 978-5-4493-4097-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дарованные встречи

1

*Для большинства детей проблема
исключительно в том, чтобы быть любимым —
быть любимым за то, что они есть.*

Эрих Фромм

*Знаешь, отчего хороша пустыня?
Где-то в ней скрываются родники...*

Антуан Экзюпери

Мария Ивановна, крепкая, дородная женщина ближе к пятидесяти, казалась нам небожительницей. Откуда она приходила в школу по утрам и куда уходила, какой была в повседневной жизни – такие вопросы в начальной школе даже не возникали. Дети, всегда такие внимательные к деталям внешнего вида, не помнили ничего из ее гардероба. Наверное, потому, что он отражал ее характер. Строгий, невзрачный, без излишеств, как униформа. И непроницаемое лицо партийного работника. Это была не женщина, а монумент, который еще и обладал способностью учить, порицать и изредка хвалить. Кабинет (под стать хозяйке) был образцом высокой морали и нравственности: строгий, аскетич-

ный, с портретами пионеров-героев на стене, перед которыми было стыдно за все... Все, что говорилось Марией Ивановной – воспринималось как закон. По крайней мере для меня. Как-то я пропустила занятие, а мама не нашла времени написать записку с объяснениями – и я решила в школу просто не ходить. Мария Ивановна, предупреждала, что без справки к урокам не допустит – почему же мама мне не верит?!? Что может быть страшнее грозного лица учительницы? Разве что крики мамы, выталкивающей меня на улицу?

Наш класс в своем разнообразии был похож на весь многонациональный Город Детства. Грузинский мальчик Гиви дружил с азербайджанцем Азером, плохо говорящем на русском. Артур (сложной для меня национальности) ходил не разлей вода с Сашей и Сережей. Карина и Мила перешептывались с лучшей подругой Севой. Таира, родом из Дагестана, была всегда одна, потому что стеснялась или испытывала неловкость за многочисленную, но все еще растущую семью. Ее папа, наш сосед дядя Зияд, не терял надежду обрести сына, и мама ходила в ожидании в четвертый или в пятый раз. Еврейский мальчик Вадим уехал в Израиль в классе пятом, но пока тоже был с нами и жил активной школьной жизнью, не зная, что там замышляют его родители. Еще живы были ветераны, и мы их ждали на школьные праздники. Они, среди них и мой дедушка, крепкий и статный Иван Васильевич, приходили на праздник Победы, в форме, увешанные орденами, и рассказывали, как рука об руку,

всей многонациональной страной, мы победили фашистов, справились со вселенским злом. Мы слушали, представляли кадры из военной хроники, восхищались и гордились. Глядя на Зою Космодемьянскую, Леню Голикова и Валью Котик, я всегда спрашивала себя: смогла бы? Выдержала бы пытки? Не смалодушничала?

Никто из нас не думал, что причина ссор или несогласий – национальный вопрос. Знать не знали, думать не думали – кто какой национальности. Жили весело и в согласии, уверенные, что страна наша – самая лучшая и передовая. Когда Вадим уехал в Израиль, мы вспоминали о нем с сочувствием и сожалением: всем было ясно, что нелегко им придется. Будто в космос проводили или на необитаемый остров.

Ах, каким многослойным был наш пирог! Каким разнообразным! Тридцать пар глаз смотрели на Марию Ивановну, и все были одинаковы во всем: в форме, портфелях и тетрадках, в мыслях и желаниях. Любили дедушку Ленина и верили в торжество коммунизма. Отличиться старались знаниями, игрой на музыкальных инструментах, прочитанными книгами или купленными по случаю пластинками. Девчонки гордились формой, приобретенной в Москве или Ленинграде – юбка скроена иначе, воротнички кружевные и фартучек более шелковистый, с богатыми оборками. Тетради, как правило серые или зеленые, без ярких обложек, могли отличаться лишь качеством бумаги и розовой промокашкой (попадалась не всем) – в остальном все строго – одинаково.

Правда, Зоя Космодемьянская смотрела со стен неодобрительно, и было стыдно за такие глупости... Конечно, я бы смалодушничала, рассказала бы все секреты! Струсила бы, несмотря на то, что носила октябрятский значок и мечтала о приеме в пионеры. Первую партию принимали торжественно, в Музее им. Ленина, что в центре города, напротив бульвара. Хотя я была старостой и отличницей, иллюзий на свой счет не питала. Это, по словам Марии Ивановны, нужно было еще заслужить!

Разные и счастливые, мы несмотря на разный цвет волос и форму глаз, с оптимизмом смотрели в будущее и знали, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Со мной за партой сидела предприимчивая дылда Алена, которая точно своего не упустит. Я, стремясь скрыть начинающуюся близорукость, просила ее переписать мне задания с доски. Соседка не отказывалась, но расплатиться за услугу я могла только решив ее вариант. Удивительно, как долго все это проходило незамеченным от вездесущего ока Марии Ивановны, но все закончилось тогда, когда меня наконец пересадили за первую парту. Успеваемость Алены резко снизилась, а я перестала нуждаться в ее услугах.

Ирада, смешная и задорная девчонка, не без труда говорящая на русском и вечно витающая в облаках, читая на уроке сказку о храбром зайце, представив его на лесном пеньке, выступающем перед лесным братством, выразительно и громко произнесла: «Эх, вы трусы!» (с ударением

на первом слогe). Класс долго не мог ей простить ошибку, а Мария Ивановна, нахмурив брови, быстро пресекла обсуждения и заставила забыть этот неловкий момент.

Карина Б. совсем не ценила своего счастья! Я с трепетом ожидала нового выпуска журнала «Костер» и газеты «Пионерская правда», нетерпеливо заглядывала в почтовый ящик, а к книгам из библиотеки относилась так бережно, как к своим: страницы не загибала, оборачивала бумагой и не дотрагивалась грязными руками. А у нее была такая прекрасная библиотека – настоящее сокровище! Родители не так давно вернулись из Венгрии и вместе с мебелью и дубленками (что не представлялось для меня важным) привезли яркие издания, напечатанные в Будапеште. Русские народные сказки, сказки Ш. Перро и братьев Гримм, стихи Пушкина и рассказы Толстого – чего там только не было! Такие книги и в руках держать было страшно, а Карина легкомысленно приносила их в школу и небрежно оставляла на парте, убежав на перемену. Я брала их украдкой и гладила, перелистывала новенькие глянцевые странички, рассматривала прекрасные иллюстрации и представляла, что читаю их вечером, кладу на прикроватный столик (которого не было и в помине), выключаю лампу (тоже плод моего богатого воображения) и засыпаю, тронув книги еще раз перед сном, будто пожелав им спокойной ночи...

Игорь жил в соседнем подъезде, на пятом этаже. На уроках обыкновенно сидел на последней парте – смешной, лопо-

ухий, будто только проснувшийся – говорил очень мало и тихо, надеясь, что Мария Ивановна его не заметит и не услышит. В семье росла еще и бойкая длинноногая Танька, младше нас на пару лет, ну а папу Игоря знали все соседи. Он имел хобби на радость всем нам. Время от времени по выходным он шел к морю и возвращался с полным ведром креветок. Он выбрасывал их в умывальник, где они ждали своего страшного часа. Именно там я их однажды и увидела – зеленых, копошащихся, живых! – придя раньше обычного за банкой розовых креветок. Увидела, пошатнулась от ужаса и выронила копеечки, которые передала мама.

– Иди домой! – рассердился мужчина.

– Сам принесу! И деньги матери пока отдай!

Потом, накормив всех желающих, папа Игоря куда-то ушел, а возвращался уже затемно, на нетвердых ногах. Жена ругалась так, что было слышно всем, и посылала Таньку к соседям и наказывала передать:

– Не покупайте больше у него! Пропивает он все!

Ну, кто же не купит такую вкусность? Странная была женщина, ей Богу!

Светина мама звалась «цыганкой».

– Как это? – думалось мне. – Разве они живут не в таборе, не с лошадьми? Разве не крадут детей и не заставляют их попрошайничать? ... Нет, моя одноклассница ничем не отличалась от всех нас. Мама была высокой и крупной, длинные юбки не носила, браслетами не гремела, никому не гадала,

по утрам уходила на работу, а вечером, как все, возвращалась. Папа – невысокий и щуплый азербайджанец – пытался примирить жену с матерью, которая невестку недолюбливала и брак этот, несмотря на прошедшие годы и нажитых детей, не одобряла. Мне представлялось, что мама Светы отстала от табора, влюбила в себя парня и благодаря цыганским чарам заставила на себе жениться. Ее лучше не сердить – так мне казалось... Света и ее младший братик выглядели всегда упитанными и довольными, в доме царила чистота, а на полу блестел редкий по тем временам паркет... Я хотела спросить у Марии Ивановны, почему среди Советских Социалистических Республик нет цыганской, но боялась, что она пристыдит меня перед всем классом и молчала.

Дедушкин друг, тоже фронтовик и орденосец Саид, жил в нашем доме через два подъезда. Его семья занимала две квартиры, потому что детей было десять. Соня-ханум тоже носила медаль – матери-героини. Как они размещались там, что ели, в каких кастрюлях неторопливая и царственная мама готовила им еду, кто проверял им уроки – ничего этого я не знала, но было так интересно!

Старшие дети были уже женаты, а самый младший учился в нашем классе. Поздний ребенок Ахмед, тихий и неприметный в школе, носился во дворе до самого вечера, до прихода отца, с хлебом и с сыром в руке. Летом – еще и с сочным помидором. Ближе к семи Соня-ханум громко созывала детей к ужину. Раз в год, на праздник Новруз, нам прино-

сили огромный поднос со сладостями и блюдо – с вкуснейшим пловом, украшенным сухофруктами, каштанами и дымящимся мясом нежнейшей баранины. Корочку от плова я съедала первой, а гохал всегда заканчивался быстрее, чем пахлава или шекербура. Через некоторое время на Пасху бабушка Евдокия Алексеевна отправляла меня в седьмой подъезд с ответным визитом. Разноцветные яички, блестящие от растительного масла, ароматная выпечка и сладости – все покрывалось белоснежной льняной салфеткой и посылалось дорогим людям. Сквозь открытую дверь я видела скромно обставленную квартиру (еще скромнее, чем наша), и опускала глаза, протянув дары, тому кто открыл дверь. Опустить глаза, проявляя покорность перед старшими и особенно перед мужчинами – так было принято в Городе Детства. К счастью, Мария Ивановна о таких праздниках не знала и не ведала о моем падении.

Запомнился случай, когда одноклассница Мила, стоя с указкой у карты СССР, назвала океан «Северо-ядовитым» и все долго смеялись. Мария Ивановна строго отчитала нерадивую ученицу и объяснила, как она политически неграмотна, именно потому, что не читает «Пионерскую правду».

Перед уроком рисования на учительском столе часто появлялась огромная коробка с красивейшими фруктами-муляжами, выглядевшими настолько аппетитно, что кто-то из ребят не удержавшись попробовал надкусить красное блестящее яблоко. Когда искали виноватого – было страшно

всем, даже мне, которая никогда и ни под каким предлогом не посмела бы без приглашения подойти к трону Марии Ивановны.

Когда она с возмущением отказалась принять хрустальную вазу на какой-то праздник, мы даже не удивились. Мария Ивановна и материальное – две вещи совершенно несоместимые. Я трепетала при виде первой учительницы, идущей по коридору. Мы не видели, когда она улыбалась или ела. В школьной столовой отводили глаза от учительских столов – разве позволено всем наблюдать за трапезой небожителей?!? Ничто человеческое ей не чуждо – определенно не про нашу Марию Ивановну.

Перебравшись в среднюю школу, мы почти не наведывались к первой учительнице. Было ясно, что теплых материнских объятий ожидать не приходится, кроме того в нашем классе живут уже другие дети. Шумные первоклашки были похожи на новый продукт на конвейере – мы уже сошли с длинной бегущей дорожки и уступили место другим...

2

*Нельзя судить лампу за то, что она
потухла, если ты сам забывал
подливать в нее масло.*

Восточная мудрость.

Эту женщину понять было сложно – особенно мне в семилетнем возрасте. Сейчас я вижу многое иначе и, вспоминая отдельные детали, начинаю складывать пазл.

Аделя-ханум все время отсутствовала. Даже присутствуя. Слушала детское неумелое перебирание по клавишам и загадочно смотрела в окно. Иногда, возвращаясь к работе, словно вспоминая, кто она и зачем, она нервно одергивала меня и раздраженно говорила:

– Не так! Держи руки правильно! Ничего не понимает эта девочка – э!!!

Перелистывая ноты пухлой рукой, украшенной золотыми кольцами, она находила следующее упражнение:

– Вот это играй!

Затем она возвращалась туда, откуда пришла и смотрела в маленькое окно нашего кабинета, за которым зеленели, опадали, качались от бакинских ветров обнаженные деревья, и думала о своем. Я боялась ее огорчить, но искренне не понимала – а как правильно? Как сыграть так, чтобы ей понравилось? Что нужно для этого сделать, чтобы хоть раз заслу-

жить ее похвалу?

И еще я думала о том, что кольца, наверное, уже не снимаются с ее руки, потому что, впиваясь в длинные, но пухлые пальцы, они, казалось, вросли навсегда. Интересно, что она делает, когда возвращается домой? Готовит, не снимая колец, и в них же ложится спать? Я не могла представить ее дома, сидящей за фортепиано и играющей что-то для себя. Она, преподаватель в музыкальной школе, была далека от музыки. Ее волновало что-то другое – это было ясно даже мне!

...Хорошая девочка в Городе Детства должна была уметь играть на фортепиано – и все тут! Вот причина, по которой в шесть лет в нашей квартире поселился важный черный инструмент «Беларусь». Он был уже не новый, имел свою историю, клавиши утратили свой блеск и слегка пожелтели. Настройщик долго возился, приводя его в порядок после потрясений, связанных с переездом. Сердитое фортепиано упрямо не хотело звучать так, как следует на новом месте. Потревожили, перевезли, заставили подпрыгивать на дороге, не принимая в расчет почтенного возраста. Инструмент ворчал, жаловался на немолодые годы и царапины, но люди не слышали его и требовали звонкого голоса и второго дыхания.

Кое-как расположившись у стены, он зазвучал. Конечно, ему хотелось, чтобы его беспокоили только по серьезным случаям, но помимо этюдов Черни и прелюдий Баха, глупая

хозяйка подбирала на слух («на слух! – сердилось фортепиано, – будто он у нее идеальный! А ноты для чего?!?») «Айсберг» и «Крылатые качели»...

... Два раза в год Аделя-ханум все же возвращалась к своим обязанностям. Ближе к прослушиваниям, будто проснувшись от зимнего сна, начинала сердиться еще сильнее, а выслушав нас, убеждалась, что мы ничего не знаем, прослушивания точно не переживем и... вызывала родителей! Многие и без того сопровождали детей в музыкальную школу, но беседы с преподавателем обычно не удавались: Аделя-ханум по обыкновению с отсутствующим видом проплывала по коридору и едва заметным кивком отвечала на приветствия родителей. Не знаю, что она говорила, но моя мама, властная женщина и начальник не только на работе, но и по жизни, никогда не ступившая на порог общеобразовательной школы, уверовав в то, что я бездарна, носила обязательный в Городе Детства «хормят» («уважение»). Конечно, мое незнание и неумение от уважаемой комиссии было не скрыть, но Аделя-ханум постарается сделать все возможное, чтобы помочь мне ну хоть как-то перейти в следующий класс.

Похоже, Аделе-ханум удавалось убедить не только мою маму, и число «приносящих дары» увеличивалось к праздникам и, конечно, накануне экзаменов (Вспоминая неподкупную, морщившуюся от цветов Марию Ивановну, я ужасалась от происходящего). Солидная комиссия, состоящая

из директора и нескольких учителей, сидела в центре совершенно пустого зала, а приговоренный должен был войти, поздороваться и подняться на сцену к огромному черному роялю. Деревянные руки холодели и не слушались, сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки еще и от того, что родители отыскивали загроможденную старой мебелью кладовку, примыкающую к сцене, и по очереди прикладывали ухо к заветному отверстию в двери. К счастью, мама была очень далека от музыкального мира и уловить фальшивую ноту не могла, но зато непредвиденную остановку в игре воспринимала как провал, поэтому я играла громко и оптимистично. Комиссия, казалось, занималась своим делом – женщины переговаривались, шутили, иногда подсмеивались (надо мной, наверное... а над кем же еще!?) ...Это, конечно сбивало с толку еще больше, а, заметив ожидание, промедление в лице ученика, устроившегося, наконец, перед роялем говорили:

– Ты, играй, играй!

...И все же праздники были и на моей улице!

Преподаватель сольфеджио (так нелюбимого мною), почтенного возраста Циля Марковна, говорила странные, тогда еще непонятные нам вещи, но все же запомнившиеся навсегда:

– Чем больше вы будете загружены, тем больше станете успевать...

– Вивальди... это как ветерок в солнечный день, а Бах –

это разговор с Богом...

– Слушайте вальс, наслаждайтесь и помните: раньше он был запрещен. Слишком откровенным был, ведь кавалер должен был касаться дамы! У Эльгельгардта в «Окровавленном троне» об этом хорошо написано...

Но настоящей радостью была книжная ярмарка – небывалое богатство и красота! Под Новый год в коридоре музыкальной школы расставлялись столы, которые заполнялись чудесными книгами о жизни композиторов, журналами с глянцевыми обложками, пахнущими свежей типографской краской, нотами, пластинками с записями классической музыки и песенниками! О боже – кто сейчас знает, сколько радости могли доставить нам эти книжечки! Кто может представить, что тексты любимых песен девчонки писали от руки в специальные тетради, украшали рисунками и вырезками из журналов, выводили фломастерами название песни и слово «припев» и гордились, если удавалось на слух подобрать популярные мелодии! А там, в заветном песеннике, были и ноты, и тексты песен сразу! Правда, в начале, шли неизбежные «Бухенвальский набат» и «Родина моя», но потом можно было отыскать и «Вологду», и «Маэстро», и песни Давида Тухманова. Все копеечки извлекались из потаенных мест, тщательно пересчитывались на ладошках и отдавались за красивые книги! Всю дорогу домой на девяносто пятом автобусе (если сел – значит повезло, значит, счастье, можно будет читать всю дорогу, но все же поднимать глаза, вдруг

кто-то из взрослых стоит рядом – надо обязательно уступить место) украдкой погружать нос, вдыхать запах свежих страниц и радоваться приобретению.

Через два года у нас появился новый преподаватель – молодая девушка Ирина Ивановна. Звонкая, легкая, длинноволосая, носившая вязанный по тогдашней моде жакет и расклешенные брюки. Ее пальчики так быстро перебирали клавиши, что мы не могли уследить, как она извлекает такие чудесные звуки. Она играла нам пьесы, этюды, прелюдии, слушала нас внимательно, нежно качаясь наших рук, требовала следить за осанкой и ... соединяла нас в пары со скрипачами и виолончелистами – получался ансамбль. Я, правда, думала, что ансамбль – это только тот, что вокально-инструментальный. Как ГАЯ в Городе Детства или «Цветы», «Самоцветы», известные во всей стране, но и наши ансамбли получались замечательные. Так музыка, с опозданием в два года, все же пришла в мою жизнь...

Родители, хорошо обученные Аделей-ханум, перед новогодними прослушиваниями выстроились в очередь у дверей нашего кабинета. Не знаю, что сказала Ирина Ивановна другим родителям, но то, что услышала моя мама, она повторяла неоднократно друзьям и знакомым:

– Какие проблемы? Слух есть, хорошая девочка, способная. Все выполняет, готовится – на четверку сдаст, а вот на пять нужно постараться!

Мама, пережив потрясение, наконец, поверила в то, что

я не безнадежна и много лет «добрым» словом вспоминала Аделю-ханум.

Куда она пропала, нам никто не рассказал, но я видела что-то такое, о чем говорить было нельзя (но думать-то можно!), и это не давало мне покоя... Иногда в наш кабинет заходил муж Адели-ханум, крепко держа за руку гиперактивную, вечно подпрыгивающую девочку, чуть младше нас. Он заходил, чтобы предупредить (о, времена без сотовых телефонов – благословенные и тревожные одновременно!): они ждут ее у школы или на остановке, возле Дворца Культуры имени Шаумяна или рядом с метро. Большой, грозный и уса-тый, он выглядел неприветливым, и Аделя-ханум, оторвав-шись от своих мыслей, рассеяно кивала головой, едва улыб-нувшись дочке. Но однажды, ожидая маму в скверике око-ло музыкальной школы, я увидела знакомый силуэт на пе-реднем сидении белой машины, и не могла оторвать взгляд. Другая Аделя-ханум – не величественная снежная королева, а молодая, веселая, как ребенок, и счастливая, в наброшен-ном на плечи пальто, ела виноград из рук ...другого мужчи-ны! Она закрывала от смеха глаза, прятала его в воротник светлого меха, а он норовил коснуться ее носа, преодолевая ее ненастоящее сопротивление. Я могла бы не узнать ее – на-столько она отличалась от моей сонной учительницы, но это была она!

Даже я, живущая в книгах и ничто не знающая о реаль-ной жизни, поняла – запретная любовь. Это плохо, стыдно,

грешно – но разве это не прекрасное чувство, если оно способно расколдовать снежную королеву и сделать ее счастливой?

Больше Аделю-ханум я не видела никогда. Лица я ее не помню – только руки с впившимися кольцами. И то счастье украдкой в белой машине. Я не сердилась на нее тогда, а сейчас по-женски понимаю ее еще лучше. Смогла ли она стать счастливой? Не обидел ли ее муж? В моем детском воображении он ее волочет за волосы (в Городе Детства не было полутоннов), выбрасывает из дома на улицу, под осуждающие взгляды соседей и она бежит, торопится, босая и простоволосая, к спасительной белой машине.

Или... она так и живет со своей семьей, но работает в другом городе, учит детей в другой школе, где по-прежнему смотрит в окно, вспоминая парня, который кормил ее виноградом.

Или... ее злобный муж, размахивая огромным кулаком, грозит обидчику, бьет его по лицу, кровь тоненькой струйкой бежит по губам и одежде, она жалеет его и уходит от мужа.

В моем детском воображении сценариев было великое множество – вот только какой из них оказался правдой?...

3

*Настоящий учитель – тот, кто
помог тебе стать самим собой.*

М. А. Светлов

Через несколько лет, в классе четвертом, мы влюбились в Светлану Николаевну и ее кабинет русского языка и литературы одновременно. Идеальная чистота, сияющий паркет, натертый до такой степени, что можно было смотреться в него как в зеркало, портреты писателей и поэтов, цветы не подоконниках и – о чудо! – папки, хранящиеся в шкафу слева от входной двери, с материалами из газет и журналов о каждом русском классике. Это был не просто кабинет – храм Словесности, одухотворенный и наполненный. С большой радостью мы несли вырезки из газет и считали за счастье положить их в заветную папку, заслушивались ее рассказами, писали сочинения и понимали, как важно не только знаниями, но и поведением не огорчить любимого педагога.

На одной из стен висела репродукция знаменитого портрета Натальи Николаевны Гончаровой кисти А. П. Брюллова. Этот нежный овал лица, тонкая лебединая шея, ослепительные плечи, удивительной красоты платье, подчеркивающее осиную талию – все это убеждало нас в том, что именно такую женщину мог любить великий русский поэт. Только много лет спустя я узнала, что так восторженно к Наталье

Николаевне относились далеко не все, даже обвиняли в легкомыслии и суетности, и прочла гневные строчки Ахматовой («сообщница Геккернов в преддуэльной истории») и Цветаевой (был «огончарован», «тяга гения к пустому месту», «взял нуль ибо сам был – все»). Но тогда все было естественно – где ей быть, если не в кабинете русской словесности? Кого любить Пушкину, если не это ангельское создание?

Муза И. С. Тургенева Полина Виардо тоже упоминалась Светланой Николаевной, но о «свободных» женщинах Серебряного века мы не знали ничего: ни о «тройственном союзе» Л. Брик – Маяковский – О. Брик, ни о босоногой танцовщице – искусительнице Айседоре Дункан, ни о парижском периоде из жизни Ахматовой и ее дружбе с Модильяни. Это были героини не того времени.

Слушая Светлану Николаевну, ловя каждое слово, записывая имена, пока неизвестные мне, я стала много читать, записывалась во все доступные мне библиотеки Города Детства и стала мечтать о журналистике и преподавании.

Я помню наше горе и долгое нежелание принять других преподавателей после отъезда Светланы Николаевны. Нам казалось кошунством, что теперь в кабинете поселился другой человек, и он пользуется папками, наглядными пособиями, перфокартами, которые мастерил супруг Светланы Николаевны. Все нам казалось чужим, объяснения – непонятными, отметки – незаслуженными, да и сам кабинет скоро потерял для нас привлекательность. Пустой сосуд без души,

без мерцающего огня...

Как-то раз, в классе девятом, мне довелось побывать в гостях у Аллы Петровны, которая, видя во мне тягу к языкам, пригласила во время каникул к себе домой, чтобы помочь подтянуть грамматику. Я для себя решила, что уровня Аллы Петровны мне не достичь никогда, но стараться я буду очень. Музыкальное ухо ловило красоту языка, интонацию, и помимо школьного учебника о жизни семьи Стоговых (их поездках в деревню и праздновании всех красных дат календаря) я крепко держала обтрепанную пожелтевшую книжку «Остров сокровищ» и тщательно переводила страницу за страницей. Могла ли подумать, что язык я все же выучу и буду настолько свободна в своих выражениях, что без страха стану общаться с носителями языка?!?

Помимо запаха чистоты и свежести, яркого солнечного света в комнате, я запомнила портреты тогда еще неизвестных мне людей- бородача Хемингуэя и горбоносой Ахматовой, и кресло, на краешек которого я уселась, боясь проявить любопытство и разглядеть открывающееся передо мной убранство комнаты. Мы с мамой жили гораздо скромнее, да и Алла Петровна по сегодняшним понятиям жила небогато, но все мне казалось таким необыкновенным, что я бежала на эти занятия счастливая и воодушевленная, втайне завидуя ее дочке Кире, которая имеет возможность говорить с такой мамой день и ночь. Не о материальном, а о том, что по-настоящему волнует, у меня такой возможности не было.

Съестным никогда не пахло – только чистотой и прохладой – и это еще больше укрепляло меня в мысли, что жизнь у них, наших педагогов, необыкновенная, особенная, чужим не доступная.

И все же был момент, когда я почувствовала себя предательницей, потому что пришлось поступить вопреки своей воле. В редакции республиканской газеты мне дали новое задание: написать о педагоге труда. Я бы с большой радостью выбрала любимых преподавателей, но подобное не обсуждалось, а моего скромного мнения никто не спрашивал. Партия сказала «надо» – комсомол ответил – «есть!». Тамара Ивановна была скроена из того же теста, что и Мария Ивановна. Призывала девочек строго относиться к ведению домашнего хозяйства, хорошо готовить и шить, чтобы не разочаровать родителей и будущего мужа. Статья получилась без души – так мне казалось, но еще долго Тамара Ивановна с гордостью ходила по школе, поправляя и без того безупречно сидящий серый костюм и косу, аккуратно уложенную колечком. Фигуре Тамары Ивановны мог позавидовать каждый: высокая, стройная, с узкой талией и безупречными бедрами, она несла себя как пава. Я же чувствовала себя предательницей: будь моя воля, дифирамбы достались бы другим...

В старших классах трудовое обучение продолжалось в учебно-производственном комбинате, по окончании выдавались свидетельства о получении трудовой специальности.

Раз в неделю мы были освобождены от школьных занятий и отправлялись в УПК, находившийся в другом конце города. Радовались необычайно! Без школьной формы, в свободной одежде, добирались на автобусе и чувствовали себя более свободными. Часто занятия заканчивались длительными прогулками или походами в кино, а в моем случае – беседами с Наилей Ибрагимовной. Мягкая, женственная лет тридцати, в клетчатой юбке – «карандаш» и однотонных кардиганах, она учила нас торговому делу, но, честное слово, мы с ней ни разу не обсуждали продвижение товаров от производителя к потребителю или виды коммерческой деятельности. Почему она выбрала именно меня среди многочисленной толпы бойких и более активных девчонок – для меня было большой загадкой.

– Я сразу заметила твои умные глаза и слышащие уши, большинство видят только привычное, большая часть красоты мира для них пропадет зря, – говорила она, но мне не верилось...

Впервые в жизни я держала в руках что-то похожее на самиздат – стихи Марны Ивановны Цветаевой, о которой я прежде не знала. Окунувшись, удивилась особенностям ее лирики и навсегда полюбила. Как-то наткнувшись в библиотеке на прозу Цветаевой, бережно несла Наиле Ибрагимовне как ценный подарок. Мы вместе читали, как пришел в ее жизнь Пушкин и удивлялись, как много значит детское восприятие.

После занятий я долго собирала вещи, ожидая, пока рассеется толпа и садилась поближе, предвкушая интересный разговор и дивясь, чем я заслужила подобную откровенность. Я знала, что Наиля Ибрагимовна несчастна, что любимый ею человек живет в другом городе и редкие встречи ненадолго делают их счастливыми. Часто она летела в аэропорт, чтобы перехватить его между транзитными рейсами и никогда не ездила к нему сама. В Городе Детства незамужней женщине нельзя было отлучаться из дома, нарушать традиции, открыто не повиноваться родителям. Возможно, именно поэтому, стихи мятежной Цветаевой находили столь глубокий отклик в ее страдающем сердце? Наделенная богатым воображением, которое нельзя было сполна выразить в сухих газетных статьях, остальное я дорисовывала сама...

В десятом классе в школе неожиданно появилась молодая учительница английского. У меня в группе она не преподавала, но вниманием меня одаривала. Секретарь комсомольской организации, пишущий статьи в республиканскую газету, увлекающийся языками и литературой на самом деле был скромным и закомплексованным ребенком, который жил в ожидании похвалы от мамы и душевного тепла. Наверняка, молодая учительница это заметила – она была необыкновенной! Не монумент и не синий чулок, как большинство учителей в советских школах, а живая, улыбчивая молодая женщина, позволявшая себе одеваться (нет, не откровенно, Боже упаси!) интересно, мыслить свободно, обсуждать пуб-

ликации в журнале «Иностранная литература» и даже одалживала нам собственные пластинки для школьных вечеров! Алла Петровна, как и другие преподаватели старой школы, подобные вольности «молодой англичанки» не одобряла и с ревностью следила за нашим с ней общением. Пластинки для улучшения произношения я несла домой как хрупкую вазу из богемского стекла – неужели я достойна? Разговор о чем-то вне школьной программы в пионерской воспринималось с удивлением – разве это позволено? Рассказы о поездках и незамысловатой личной жизни молодой женщины из строгой кавказской семьи считала верхом доверия и краснела – неужели и они тоже сомневаются, чувствуют, любят?!?

Наше дальнейшее общение изменило в корне мое представление о том, какой может быть женщина и педагог в особенном Городе Детства, где, как известно, нет полутонов. Оказывается, она имеет право думать иначе, шутить и иронизировать, рассказывая о своей студенческой жизни, придумывать истории о людях, идущих по улице, танцевать на школьных дискотеках вопреки молчаливому неодобрению педагогического коллектива и (о, чудо!) шить себе все эти прекрасные наряды, вязать и, так же, как и я, любить Прибалтику с огромными соснами и мягкими дюнами, прохладное Балтийское море и запах свежемолотых кофейных зерен, музыку Домского Собора и это пленительное ощущение свободы! Когда наше общение стало более доверитель-

ным и обсуждение книг и фильмов шло взахлеб, я посмела признаться в странном желании, о котором могла ли намекнуть строгой маме, не говоря уже о взрослых учителях? Я хочу погулять у моря в дождь, увидеть серое полотно, сливающееся с горизонтом, вдохнуть морскую свежесть, услышать, как капли дождя стучат по воде и увидеть Каспий в непогоду. Она отозвалась так естественно и стремительно, едва не бросившись мне на шею – и я хочу этого, мечтала всегда, откуда ты знаешь об этом?!? В Городе Детства восьмидесятых трудно было представить девушек на пляже без сопровождения мужчин – пусть это никого не удивляет! То, что можно легко сделать сейчас, тогда считалось почти невозможным! Все это очень нас сблизило, и сейчас я понимаю, что это была дружба двух девушек, с десятилетней разницей в возрасте, которую мы пронесли через всю жизнь. Я училась в университете – мы ходили на Т. Уильямса в Русский Драматический Театр и покупали одинаковые красные туфли на высокоченных каблуках. Я рано вышла замуж, а она поздно, но мы обе растили мальчиков почти одного возраста и вывозили их на природу. Они играли – мы болтали без умолку, готовили вкусную еду, обсуждали актеров, мечтали о том, чтобы увидеть мир. Могли ли представить, что очень скоро это будет нам доступно?!?

Я закончила университет и стала работать в школе, а она говорила – как бы я хотела побывать на твоих уроках! уверена – они замечательные! Мы говорила на английском, води-

ли детей на утренние спектакли, узнали друг про друга все – а я по-прежнему обращалась к ней только на «Вы» и только по имени-отчеству: Санянт Магомедовна. Как, впрочем, и сейчас...

Они помогли мне понять главное: грамотно преподнести свой предмет – это очень хорошо. Качество преподавания – важный критерий, но далеко не самый важный и не единственный. Сделать свой предмет любимым, воспитать творческий подход к учебе, духовно обогатить, увидеть в ученике личность – это тоже неоценимо, но мы запомнили тех, кто был похож на живых людей, со своими интересами, эмоциями и смелыми мыслями, кто воодушевил и вел за собой. Именно они заслужили больше, чем уважение – мы их любили!

Низкий поклон им за это и огромная благодарность!!!

4

*Чтобы быть хорошим преподавателем,
нужно любить то, что преподаешь,
и любить тех, кому преподаешь.*

В. Ключевский

Теплое октябрьское утро девяностого года, дома девяти-месячный сын, а я иду на первый в своей жизни урок. В новую школу времен перемен. Надо признаться, что мы ощущали перемены особым образом. Прежде многонациональный Город Детства постепенно менял свой состав, все пытались говорить только на национальном языке, с тревогой поглядывали на соседей, зарплаты ждали долго, с продуктами было совсем не просто, но кого это пугало в двадцать лет? «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен», – предостерегал мудрый Конфуций, но мы видели, как в книжных магазинах появлялись недоступные прежде книги, видеомэгафоны открывали новый мир зарубежного кино, Цой почти из каждого окна «требовал перемен», а железный занавес приоткрылся настолько, что многие уже собирали чемоданы. Так что мы не соглашались с Конфуцием, цитировали Тютчева («Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!»), надеялись на лучшее и были счастливы.

В учительской все с улыбкой и с некоторым недоверием поприветствовали молодую учительницу русского языка

и литературы. Несмотря на нервозность и ответственность в первый рабочий день, я не могла не заметить ироничные улыбки старших коллег и один и тот же вопрос: «В каком классе у вас первый урок?». «В восьмом Б?!?»». Это потом я узнала, что в знаменитом классе долго никто не задерживался, и я обещала быть очередной жертвой. Помня все, чему учили в университете и свой недавний школьный опыт, я долго готовилась к важному дню, составила правильную приветственную речь. Помнила все, что писала – и забыла, как только вошла в класс. Боже мой! Мне доверили старших – как они мне поверят, ведь я едва отличаюсь от них по возрасту?!?

Чтобы казаться солиднее, я выбрала юбку до колен и блузку модного цвета, туфли-лодочки на внушительных каблучках и строгий кожаный портфель. Немного макияжа должно было разделить нас окончательно, создать непреодолимую пропасть между нами, барьер, и заставить их поверить в то, что я не вчерашняя школьница, а строгий педагог. Грозный завуч представил меня классу и, тихо шепнув «я рядом», удалилась в учительскую, которая, к счастью, была неподалеку. Тридцать пар глаз смотрели на меня с интересом – совсем не враждебно! Я их не боялась тоже, забыв про приготовленную речь, главный смысл которой заключался в «давайте жить дружно!», я ухватилась за благословенную тему – биография Пушкина – и стала говорить. Мой поэт был далек от официоза: он обладал вспыльчивым характером

и любвеобильным сердцем, писал эпиграммы на друзей-лицеистов (больше всего доставалось бедному Кюхле), задыхался в светских салонах, верил в приметы, любил Наталью Николаевну, писал ей трогательные письма, называя «душа моя», «женка», «ангел мой». Такого поэта восьмиклассники не знали и слушали с большим вниманием. Я, окунувшись в любимую литературу, успокоилась и смогла наконец рассмотреть моих первых учеников. Они были разные – улыбающиеся и хмурые, уже знающие жизнь и не доверяющие никому, домашние и самостоятельные, предоставленные улице и серьезные, светлоголовые и смуглые, с пробивающейся щетиной на лице и совсем еще дети, но им было интересно!

Несколько раз за урок обеспокоенная отсутствием шума, в класс без стука врывалась Светлана Панаховна, обещавшая оберегать меня. Увидев благостную картину (вчерашняя студентка жива, а дети, широко раскрыв рты и глаза, слушали), завуч с шумом закрывала дверь и так же молча удалялась.

Старшие коллеги вновь поинтересовались моим самочувствием, когда я вернулась в учительскую, и удивились. Позже я узнала, что самого опасного возмутителя спокойствия в тот день не было, и мои ученики отправились к нему домой с просьбой «не обижать хорошую молодую учительницу». Все у меня получилось – и в первый день и в дальнейшем. Без моих речей и домашних заготовок – я просто была собой, и они меня приняли!

Тот хулиган скоро вернулся в класс – взрослее других,

циничнее, он смотрел на одноклассников свысока, а на меня с интересом. Ясно было, что жизнь вне школы для него гораздо более привлекательна и там было все, кроме домашнего задания, конечно. Он сидел молча, облизывал пухлые губы и на общих фотографиях всегда норовил встать поближе ко мне. Я чувствовала его мужской взгляд на себе, но не сердилась: юноши в Городе Детства мужали и созревали быстрее девчонок. Один черно-белый снимок имел забавную историю. У дверей школы, на ступеньках, собралась группа уже девятиклассников – меня попросили встать в самый центр. Ровшан по обыкновению пристроился рядом. Нечеткая черно-белая фотография не отразила ни цвет моего свитера, ни легкого макияжа – она лишила меня барьера, который я так усердно создавала, и сделала меня такой же, как они. Дома пузатый и усатый папа Ровшана, показав на меня пальцем, спросил у сына:

- Бу гыз кимдир? (Эта девочка – кто такая?)
- Бизим мяллия! (Наша учительница!)
- Пах, пах! (Удивление с восхищением)...

Педагогический коллектив моей школы состоял в основном из учителей почтенных и заслуживших авторитет большим стажем работы. К ним вели детей в первый класс, они выступали с напутственными словами и они же получали самые лучшие букеты и дорогие подарки к праздникам. В Городе Детства обо всем и со всеми можно было договориться – этим «матронам» доверяли и все щекотливые моменты,

когда требовалась мудрость восточной женщины, приправленная огромным педагогическим стажем. Портрет неподкупной Марии Ивановны сиял для меня еще ярче и вызывал запоздавшее уважение – с ней договориться было нельзя. Конечно, были и педагоги среднего возраста, спешившие домой к растущим детям; они выбегали из школы раньше шумной толпы школьников, они отказывались от классного руководства, не проводили мероприятий – к ним не шли молодые преподаватели за помощью, они жили иной жизнью, в которой школа была лишь местом работы. Молодая поросль была немногочисленной: учительница азербайджанского языка, бойкая и строгая; учительница физики, которая шла на урок как на казнь (мы вспоминали забавный выпуск «Ералаша» с Хазановым в роли учителя) и моя коллега, преподавательница русского языка и литературы, уверенная в себе особа, глядящая на меня снисходительно. Конечно, хозяйкой кабинета была она – а я всего лишь робкой гостьей. Кроме всего прочего, ей удалось найти подход к грозному заучу – и ее расписание всегда радовало отсутствием «окон» и непредвиденных сюрпризов. Моя коллега была щедро одарена природой широкими бедрами и миниатюрным верхом – они сознательно выделяла эту диспропорцию определенным фасоном платьев и юбок. Происходя из учительской семьи, она демонстрировала преемственность поколений и свою исключительность, но большего я сказать о ней не могла. То, что ее не уважают мужчины из нашего, почти на 90 процен-

тов женского коллектива, было для меня откровением. Как-то раз от «морального падения» меня решил спасти педагог труда, суровый и смуглый мужчина лет сорока. Мы вместе ждали автобуса и он, долго ходя вокруг да около, наконец высказал то, что беспокоило не его одного.

– Эльвира-ханум, не дружите с Ириной Николаевной! Она Вам не пара, честное слово, да! Вы – чистый семейный человек, а она встречается с женатым мужчиной! Не стесняется даже-э! Он к школе ее везет! Дети смотрят, учителя, родители – не стыдно, э! Вы не дружите с ней, хорошо? Я Вас как сестру прошу!...

Конечно, дружить я с ней не перестала (если наше тихое соседство можно было назвать дружбой). Дети ее очень любили, со мной тайнами она не делилась, а услышанная информация ни в какой степени не могла изменить моего к ней отношения...

Год спустя мои ученики говорили, что помнят в мелочах, как я выглядела, о чем говорила им на уроках, помнят все наши вылазки в центр города, творческие вечера и походы в театр. Директор тоже принял меня хорошо, хотя поначалу настороженно. Седовласый, невысокий, всегда безупречно одетый, он готовился уйти на пенсию – мы, конечно, видели его в гневе, но на меня это не распространялось. Ясно было, что он хочет порядка и покоя, чтобы уйти на заслуженный отдых мирно и без проблем.

Понаблюдав несколько дней и посидев на уроках, он бла-

гословил меня, сказав самые нужные и добрые слова. На моих уроках гостили и старшие преподаватели. Помню, как одна из них недоверчиво спросила: «У них книги с закладками, они работали на уроке – неужели правда читали Тургенева?» Читали, спорили (ну почему Базаров такой непримиримый? Почему автор «убил своего героя?» Не любил его, наверное? А как же смерть Болконского? Толстой же выделял тех, у кого «диалектика души»?), толпились после уроков у моего стола, помогали оформлять кабинет, убирали, даже домой провожали! Многие смотрели с интересом, не переходя границы дозволенного. Один из них, десятиклассник Дима, был галантен и предприимчив, утверждал, что ему со мной по пути, и в троллейбусе, и в метро держался рядом, рвался заплатить за билет, читал книги, что я ему подсовывала, а я, конечно, понимала, что он чувствует. Последний раз приходил перед уходом в армию – хороший был парень! Вот такие были мои старшеклассники! Тексты с закладками – это от Светланы Николаевны. Новый стенд «К юбилею» был посвящен дню рождения М. И. Цветаевой, – в память о Наиле Ибрагимовне, подарившей мне этого поэта. Прогулки по любимому городу с растущим сыном на руках (ой, сколько было у него нянек!), дискотеки и танцы под современную, заводную музыку – и рядом со мной вновь любимая Саният Магомедовна, всколыхнувшая болото в школе моего детства.

Очень скоро меня наградили (правильно сказать – «доверили») классным руководством, и это сделало мою школь-

ную жизнь еще более увлекательной, а наши прогулки – еще более продолжительными.

Мы любовались своенравным Каспием, величественной Девичьей Башней, изучали историю Ичери Шехер (Старого города). На фотографиях мой сын, смешной и щекастый, со съехавшей на затылок кепкой, в полном восторге от такого количества внимания, гуляет за ручку по очереди с каждым. Однако, настоящим событием для нас был поход в театр. Как известно, процесс подготовки зрительского восприятия начинается с улицы, по дороге в театр, но в моем случае все началось гораздо раньше. Узкая пешеходная улица вела в театр Русской Драмы – автомобили проползали по соседним улочкам, втянув животы и стараясь не нарушать особую атмосферу. Рядом – небольшой скверик, где гуляли нарядные пары, предвкушая удовольствие, запах кофе из театрального ресторана, где можно было посидеть до спектакля и после – все это было таким удивительным действием в глазах моих начинающих театралов! За несколько дней я начала рассказывать, как следует вести себя на вечерних спектаклях – для многих пятнадцатилетних это был первый выход в свет. Конечно, шумели, смеялись невпопад, громко разговаривали, с шелестом разворачивали съестное – но их захватила эта временная иллюзорная реальность, существующая по всеобщей договоренности, от звонка до звонка и уходящая лишь с грохотом аплодисментов. Лучшей наградой для меня, театралки со стажем, был вопрос на следующий день: «а когда

мы пойдём ещё раз?»...

«А помните вечер, посвященный Есенину?» – спросила десять лет спустя моя ученица. «Помните, как Вы не послушались директора?» Я? Могла ли? Вспомнила – оказалось, так оно и было! В 1925 Есенин приезжал в Город Детства и написал два прекрасных стихотворения «Прощай, Баку» и «1 Мая» Через несколько лет Гусейн Наджафов опубликовал документально-художественную повесть о встрече поэта с бакинцами. Я написала небольшой сценарий и увлекла этой идеей своих старшеклассников. Книги поэта, портреты, повесть «Балаханский май» были важной частью вечера и экспозиции. Самый артистичный юноша читал стихотворение «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...», как вдруг на глазах у всех репетирующих, в зал ворвался новый директор с требованием вернуть портрет руководителя республики на центральное место на сцене. – Есенин может поместиться и ниже, ничего с ним не случится! Все мои уговоры ни к чему не привели – вернуть портрет на место! Конечно, вынужденная согласиться, вечером я все же поступила по-своему, за что и получила устный выговор, впоследствии.. Странно, что это так запомнилось моим ученикам!...

Вскоре ветер перемен ворвался и в мою молодую жизнь. Я, четыре года, проработав в школе, стала параллельно всерьез заниматься английским языком, получила приглашение поработать в зарубежной фирме. Семья начала готовиться к отъезду из Города Детства... Было жаль прощаться, но,

хвала интернету, многие нашли меня годы спустя. Все, что причиняло боль, является неприятным воспоминанием, память часто блокирует. И я не помню тех трудностей, с которыми столкнулась в женском коллективе. Дружить против кого-то не могла, интуитивно уходя от конфликтов, избегала денежных вопросов – только дети делали меня счастливой. Чувствуя их любовь, отвечая взаимностью, с радостью шла на уроки и была рада тому, что получалось. Помня слова своей старшей подруги, («Как бы я хотела побывать на твоих уроках! Уверена – они замечательные!») я поверила в то, что нашла свое предназначение, и мой шестилетний опыт работы в школе прекрасно это подтвердил. Спасибо всем за это!

Ничто так не огорчало, как родительские собрания. Как ни оденься, какую речь не приготовь – их не обманешь, лет себе не прибавишь и останешься девчонкой, которая многим годится в дочери. В моем Городе Детства уважение к старшим – один из главных постулатов воспитания, и для меня не представлялось возможным позволить себе давать советы тем, кто старше, о том, как контролировать детей, следить за их успеваемостью и посещаемостью. Благодарю Бога, что все родители оказались тактичными и терпимыми, никто не обидел меня ни словом, ни взглядом – только благодарили и улыбались. Одна из мам, женщина из скромной и традиционной семьи, прощаясь, как-то сказала: «Гызым (доченька), ты на своем месте!»

5

*Чтобы воспитать другого, мы
должны прежде всего, воспитать себя.*

Н. В. Гоголь

– К Вам на собеседование новички! – в кабинет робко вошел администратор, боясь помешать учебному процессу.

– Спасибо! Назначьте после двух... и обязательно с родителями!

В центре Лингвистики и Дизайна поток желающих изучать язык не иссякал никогда – ни в начале академического года, ни в самом его конце. И никому, надо сказать, никому и никогда в стремлении к знаниям не отказывали. Заведение было частным и одним из главных критериев являлась платежеспособность родителей. А для нас, педагогов, наилучшим фактором была полная свобода и отсутствие контроля, невмешательство администрации в учебный процесс и возможность самим составить программу и подобрать достойный учебный материал в огромном океане современных возможностей.

Малыши и школьники, абитуриенты и их родители по самым разным причинам стремились расширить кругозор и овладеть двумя, а то и тремя языками. Новое время открыло границы, и путешествия стали доступны многим. Всех желающих я давно разделила на несколько групп и все же

каждый раз ждала с нетерпением: кто же окажется за дверью на этот раз?

В Городе Детства иметь фортепиано полагалось всем хорошим семьям – в новые времена инструмент, покрытый вышитой крючком салфеткой и начищенный до блеска полиролью, уже не занимал почетное место в доме. Его сменил английский язык. Для кого-то из родителей это были свои неосуществленные желания и амбиции, кто-то понимал, что в будущем язык будет полезен, многие просто хотели успешно сдать устрашающий экзамен. ЕГЭ только ввели, и эта аббревиатура, надо признать, пугала и преподавателей и учеников. Всем казалось, что составители – люди абсолютно далекие от современного образования и уровня подготовки учащихся, как декабристы в свое время от народа. Количество изменений и нововведений пугает всех и сейчас, но надежда на то, что ЕГЭ отменят, несмотря на оживленные обсуждения в средствах массовой информации, нет уже никакой. Все приняли это как неизбежное и стали учиться как-то с этим явлением уживаться и справляться.

Но самая для меня любимая группа учеников – это заинтересованные, думающие люди, у которых рождаются вопросы, кто способен размышлять и не соглашаться, их учить – одно удовольствие! Они иначе воспринимают мир, он открыт для них и увлекателен, и я их учу тому, что самое замечательное путешествие – в глубину своей души, в поисках себя и своих внутренних возможностей.

Так кого же мне ждать сегодня?

6

*– А где же люди? – Вновь заговорил
наконец маленький принц.*

– В пустыне все-таки одиноко.

– Среди людей тоже одиноко, – заметила змея.

А.С. Экзюпери

Крепко держась за руку моложавой бабушки, в кабинет вошла рыженькая девочка лет шести с длинными тугими косичками, не по годам серьезная и глядящая исподлобья. Таким было наше первое знакомство. Мама ребенка – определенно творческая натура: сочетание цветов в одежде, яркая сумка ручной работы, смелый головной убор – все выдавало любительницу красок, умелицу сочетать их самым правильным способом. И впоследствии наглядные пособия, необходимые для занятий, выполнялись мамой по-особенному, восхищая учеников и преподавателей. Животные смотрели с картинок весело и причудливо, готовые заговорить. Маленькие люди имели свой характер и происходили из какой-то сказочной счастливой страны. Мама носила красивое русское имя Варвара и... вела ночную жизнь. Работала удаленным доступом, создавала и продавала свои рисунки, оформляла книжки, искала новые возможности сделать их женскую жизнь безбедной, а утром засыпала прямо у компьютера.

Вика оказалась способной девочкой, но, как любой интроверт, по-настоящему раскрывалась на индивидуальных занятиях, с глазу на глаз. Прекрасная память помогла быстро набрать необходимые базовые конструкции, и очень скоро мы могли строить незамысловатые беседы на английском языке. С каждым годом книги, которые мы читали вместе, становились сложнее, обучающие фильмы давались все легче, а разговоры обретали особую легкость, приятное ощущение свободы, когда можно играть словами, заменять одно другим без особого труда, и гордиться выстроенной фразой.

Постепенно я поняла особенность этой прекрасной девочки и лучше познакомилась с семьей. Мама рано вышла замуж и также неожиданно для всех скоро вернулась домой с дочкой на руках. Темноволосая Варвара с солнечно-рыжей девочкой, унаследовавшей яркий цвет волос от папы. Он, к моему огромному счастью, не укладывался в статистику и продолжал заботиться о дочке и после развода и с обретением второй семьи. Вика любила гостить у отца, а он участвовал в ее жизни, не пропуская ни праздников, ни выходных. Если встреча по какой-то причине пропускалась, девочка являлась на урок подавленной и несобранной – я пыталась убедить ее в том, что жизнь взрослых полна неотложных дел и непредсказуемых событий. И это вовсе не значит, что папа ее не любит!

Семья жила достаточно замкнуто: мама и бабушка часто вывозили девочку, ходили в кино, не пропускали книжных

магазинов, но друзей, шумных гостей и веселых компаний в их тихом женском царстве не водилось. Вике, очевидно, не хватало уверенности в себе и простого детского общения. Прогулкам с одноклассниками она предпочитала фильмы и книги о Гарри Поттере. Коллекционирование кукол в двенадцать-тринадцать лет было редким занятием для современной девочки, но тем не менее в социальных сетях она находила единомышленников, обменивалась фотографиями, устраивала куклам фотосессию – и это делало ее счастливой! В настоящей жизни друзей, кроме соседского мальчишки, у Вики не было. Прекрасные тяжелые рыжие с медью волосы она мечтала укоротить...

Наше обучение шло прекрасно, и в скором времени мы могли похвастаться победами на конкурсах и призовыми местами на олимпиадах, но все это не мешало ей чувствовать себя чужой в школе, плакать от любой несправедливости, страшиться контрольных по математике, которые для нее были сущим кошмаром.

По решению домашнего женсовета девочка стала посещать музыкальную школу. Скрипка, требующая большого труда и сосредоточенности, отнимала много времени, а преподаватель требовал отдавать музыке все свободное время – возможно, именно этим и оттолкнул ребенка. Скрипка переселилась на антресоль. Уроки китайского не продлились долго тоже. Замечания во время групповых занятий вгоняли Вику в ступор, обездвиживали, мешали соображать и вы-

зывали слезы. Хотя, я уверена, и с китайским у нее все могло бы получиться!

Ни разу она не сказала маме, что не пойдет на английский, а я так и не смогла убедить Вику повернуться к ровесникам лицом и начать общаться теснее хотя бы в школе, в классе, во дворе. Я видела, как она играет в английские игры на моих уроках. Закрытое, неэмоциональное прежде лицо начинает светиться от счастья. Видела ее бегущей во дворе вместе с лучшим и единственным другом и понимала, что общение и тепло ей были жизненно необходимы.

Тепло пришло к ней вместе с собакой – крошечным щедушным той-терьером, который, вопреки внешней миниатюрности, считал себя большой, вредной и смелой собакой. Когда щенячий период был позади, песик... полюбил маму! Спал на ее кровати, сторожил ее вещи, не позволял никому к ним притрагиваться. Вика опять осталась одна – мама и бабушка всегда заняты!

– Не расстраивайся, моя дорогая! Собаки всегда признают больше тех, кто их кормит. Он любит тебя тоже!

– Нет, он любит маму... Вырасту – обязательно заведу себе собаку!

...Настоящей радостью и большим событием были для девочки поездки во время каникул. Бабушка отвечала за юг России, мама – за европейские маршруты, серьезно ее интересовавшие. Новый год в Париже девочек разочаровал: застолье по-европейски скромное, а настроение совсем не но-

вогоднее, и спать после ресторана пошли рано, а вот Дисней-Ленд вызвал море совсем не свойственных Вике эмоций.

Последний год наших занятий выдался нелегким: подростковый период. Моя ученица часто была подавлена, жаловалась на школу и строгих преподавателей, признавалась, что часто пропускает уроки, потому что просыпает. Мама работала допоздна, и девочка собиралась в школу одна. Единственный предмет, с которым не было проблем, был английский. Русский язык тоже не представлял для одаренной девочки трудностей, но жесткий и бескомпромиссный преподаватель, требовавший заучивать правила наизусть, пугал Вику, ну а математику она просто ненавидела. Делясь переживаниями, она часто плакала и часть урока мы посвящали восстановлению ее психологического равновесия.

Варвара не ограничивала дочку ни в книгах, ни в модных, ручной работы, украшениях, но главное, что ее занимало в последнее время – это выезд за рубеж. Надо помочь себе и дочери устроиться в Европе. Бабушку, которая никогда не выезжала за пределы России и по-советски недоверчиво относилась к «капиталистическому раю», эта мысль очень пугала, но она не протестовала, не мешала намерениям дочки. Вику появление у мамы друга уже не огорчало. Собирая кукол, погружаясь в фантастический мир, копаясь в интернете – она давно ощущала свое одиночество в реальной жизни. Не связанная узами дружбы с одноклассниками и чув-

ством привязанности с учителями, она была готова с легкостью сменить одну школу на другую в другом уголке мира.

– Попроси маму помочь тебе с математикой – тебе же сложно!

– Она не понимает сама. Это не ее предмет.

– Объясни ей ситуацию, и вы вместе найдете выход.

– Она сказала, чтобы я занималась сама. Ей трудно оплачивать еще одни дополнительные уроки.

– Откажитесь на время от английского. Ты можешь читать и совершенствоваться уже сама, без меня.

– Нет! – девочка была категорична.

Конечно, я поговорила с мамой, и скоро Вика стала брать уроки математики, но это не принесло ей уверенности, а предмет не стал любимым...

Скоро девочки переехали в Вильнюс, оставив бабушку со старым котом одну. Она была активной, работающей и ждала внучку на каникулы, мечтая, как они снова поедут на теплое Черное море, привезут горсть цветных ракушек и пахнущих морем сувениров. Долгое время Варвара просила о продолжении занятий по скайпу, но я убедила ее, что Вика уже давно способна брать уроки у носителя языка. Так они и поступили. Теперь девочка занимается с английским преподавателем и постепенно привыкает к новой школе. Я за нее тревожусь: как она там справляется, моя рыжая плакучая белочка?...

– Как Вы думаете, кем я могу быть в будущем?

– Сложно сказать... решать тебе, но языки – это определено твое, youг cup of tea (твоя чашка чая) ... – улыбалась я.

...Я вижу ее девушкой лет двадцати, с короткими, до плеч, рыжими волосами, золотистыми ресничками и белоснежной кожей, без следов макияжа, такую же невысокую и хрупкую. С яркой сумкой со множеством брелков и значков. На плече, возможно живет крошечная татушка... и даже две... что-то из фантастического, сказочного мира. Она идет по улицам осеннего города в желтых ботинках и длинном шарфе, в шоколадной курточке и веселой шапочке, со стаканчиком горячего кофе в руках. Взгляд устремлен вниз, в ушах – наушники, она свободна и счастлива. Девушка доходит до ближайшего магазина и покупает корм собаке и что-то сладкое себе, к вечернему чаю. Открыв дверь своей маленькой, но уютной квартиры, с мебелью из ИКЕА и фотографиями из путешествий на стене, она бросает ключи, широко улыбается, потому что вокруг танцует огромный шоколадный лабрадор, исполняя ритуальный танец любви и великой собачьей преданности. Она садится на пол, позволяет себя облизать, незаметно пристегивает поводок и бежит с другом на прогулку.

Потом, вернувшись домой, кормит неугомонного весельчака, берет поднос с бутербродами и сладостями, с керамической кружкой, которую всегда выбирает по настроению, и садится за стол, освещенный охристо – зеленым абажуром. Под столом у самых ног хозяйки, устроился весельчак, и она

чувствует его тепло и нескончаемую любовь. Открыв ноутбук, девушка видит письмо от мамы (не письмо, а так... пара фраз «Как дела? Почему молчишь?»), отвечает и садится за работу – длинная серьезная статья, которую закончить переводить нужно было еще вчера. Удачи тебе, моя любимая ученица!

Мы – разные. Мы страшные.

Смиримся с этим.

Д. Рубина

Они сидят на оливковом диванчике, покрытом мягким белым пледом, и смотрят на экран, пытаясь понять, о чем говорят герои популярного мультфильма. Диван разделяет мой кабинет на две зоны: круглый стол с традиционной белой скатертью, со стопками книг, цветами и зеленым стаканчиком, в котором дружно живут карандаши и ручки для моих учеников – рабочая зона, и диванчик с телевизором. – игровая. Я вижу их затылки и время от времени останавливаю действие и прошу перевести последние фразы.

Черные, цвета воронова крыла, тяжелые длинные волосы сегодня собраны в тугий «pony-tail» (хвост), как сказали бы носители языка. Его светло-русые волосы упрямо не желают соглашаться с правилами хорошего тона и всегда живут в неповиновении. Она смугла и зимой и летом – летом, особенно, конечно, в особенности, загар ее любит, не доставляет хлопот, просто ложится ровным слоем на зависть всем белокожим подружкам. Неизменное напряжение и робость пока мешают ей раскрыться полностью. Она будто все время боится совершить ошибку, сказать или сделать что-то не то, и потому говорит очень тихо, едва разжимая губы. выра-

зительные темные глаза, обрамленные густыми ресницами, по большей части опущены вниз... но одежда говорит о том, что родители позволяют ей быть современной: яркие, со светящейся подошвой, кроссовки, джинсовый костюм с обилием украшений и стразов, серебряный рюкзачок, в котором с декором явно перебор, но все же – никто не упрекнет ее в несовременном образе! После нескольких лет групповых занятий родители осознали, что эта форма обучения не позволяет не только ей раскрыться, но и задать интересующий ее вопрос. Она жила в коллективе тихой серой мышкой – а ведь ей было что сказать! Я с радостью подхватила сбежавшую от групповых занятий ученицу – и вот она моя! Мой любимый цвет и размер, как говорил ослик Иа. Спокойная, одаренная, трудолюбивая, скромная, родом из моего Города Детства. Слишком закрыта, вы скажете, но мы над этим работаем.

– Послушай, милая, ты здесь за тем, чтобы я тебе помогла, понимаешь? Не бойся спрашивать, договорились?

– Да.

– Ты же не боишься меня?

– Нет, мне все нравится.

– Тогда начинай учиться улыбаться, хотя бы на моих уроках, обещаешь попробовать, Камилла?

– Да (улыбается).

– Вот и хорошо! Умница! Ты умная девочка, но другие ребята могут и не узнать об этом, если ты не дашь им шанс.

– Угу... я понимаю.

«Королевича» Елисея я знаю уже пять лет. Он растет, но не взрослеет, рассуждает в свои четырнадцать как десятилетний ребенок, хотя недавно с гордостью показал мне свой паспорт. Любит строить шалаши, собирать орехи, играть с домашними кошками, любит маму, которая в вечном поиске после развода с папой Елисея, спать ложится в десять, помогает бабушке и дедушке и с удовольствием ходит на английский. Ровесники считают его странным, и, чтобы не обижали, родители отдали сына в спортивную секцию. Сдается мне, что пользы особой в это нет – уверенности у «королевича» не прибавилось. Труднее всего ему дается грамматика, но говорить на английском очень хочет, особенно услышав то, как свободно ведут беседы старшеклассники. Часто приходит на урок с пакетом сладостей, с сушками, конфетами и пеньями, и всегда угощает:

– Спасибо, Елисей, мне одной конфеты достаточно.

– Э.М., добрая Вы душа! Берите! А когда Вы меня кормите, если я не успел поесть дома?

Всегда аккуратно одет, но порой нелепо, – ему неважно, что брюки коротковаты, на рубашке не отстиранное пятно от потекшей ручки. Дедушкина кепка тоже не прибавляет ему популярности в четырнадцать лет. Но пока это для него неважно. Пока...

– Почему эта девочка такая странная? – спрашивает, когда мы остаемся вдвоем. – Никогда не разговаривает

со мной...

– Она из строгой семьи, Елисей, ей неловко.

– Почему? Я же ничего такого не спрашиваю? Просто, в какой она школе, сколько лет. Странная она, как робот.

– Нет, Елисей, она хорошая, просто другая.

Я смотрю на их занятия и думаю, какая разная у них будет жизнь. Они как две прямые, которые никогда не пересекутся, как две планеты, вращающиеся вокруг своей оси.

В ее мире папа – хозяин, царь и бог. Он – источник благосостояния семьи, работает постоянно, а если и не работает – то дома его все равно нет, и эта часть жизни вне дома внешне не волнует маму. Так было, есть и будет. И в этой семье, и в семье их родителей. Приход папы – праздник для троих детей. Для мамы главное – чтобы приносил в дом деньги, потому что ей работать нельзя. Не положено. У хорошего мужа жена занимается домом и детьми. Два старших брата уже взрослые: колледж и армия. Младшая дочка – радость в семье. Они ее берегут – провожают в школу и на другие занятия, не оставляя нигде без присмотра. Мало радостей в ее девичьей жизни, разве, что летние поездки к бабушке и национальные праздники...

Ждут гостей – значит готовятся несколько дней: генеральная уборка, особые блюда, национальные сладости. Гости пришли – все лучшее на стол. Девочка – подросток выйдет, только если позовут, потому что знает: как только затикали часы ее новой женской жизни – она потенциальная невеста.

И кто знает – зачем пришли на этот раз родственники или знакомые. Кого высматривают? Накрыла на стол – убрала, и в свою комнату, там другие девчонки более младшего возврата. Ей спокойно, она улыбается, дурачится, плетет им косички, про школу рассказывает.

– Камилла, принеси свой дневник! Покажи тете, как учишься...

– Камилла, где твои рисунки из художественной школы? А на английском – давай, скажи что-нибудь!

– Да, – раздается в ответ, – хорошая девочка «Гюль кими гыз» (как цветок)

– «Чох сахол, баджи, чох сахол...» (спасибо, сестра, спасибо...)

Она знает: однажды гости приедут не просто так, а будут ждать ответа. Когда взрослые все между собой обсудят, спросят ее: нравится вон тот парень? Он из хорошей семьи, дочка, дом есть, машина, работа, ты ему нравишься, обижать не будет. Она знает, что на самом деле, все уже решено и даст единственно правильный ответ. Потом гостям в знак согласия подадут крепкий сладкий чай в прозрачных стаканчиках, похожих по форме на грушу, а если угостят несладким – тоже все будет ясно, и вечер закончится спокойно, будто ничего и не было. И уйдут купцы без товара. Может быть, отец скажет:

– Пусть доучится! Кто знает, как все будет в жизни. Мир уже другой.

Или:

– Вот сколько уже знаешь, детям своим поможешь. Не должна женщина быть умнее мужчины. Неправильно это!

И побежит вереница предсвадебных хлопот: с подсчетом, сколько всего дают за невесту, сколько золота получит она в ответ. За свою чистоту, за ум и хорошее воспитание, за диплом и знание английского. Братья хватку не ослабят до тех пор, пока не заберет сестру из дома муж.

Детки чередой, хозяйство, мечты об отдельном жилье, без родственников мужа – не позволят ей даже подумать, любит ли она мужа. Да и спросит ли ее кто, чего хочет она сама? Может быть сидя у телевизора, она мечтает, как героиня фильма, работать, водить машину, самой принимать решения – кто знает? Вот такая будет у нее жизнь, и, встретив вихрастого голубоглазого Елисея, она и не вспомнит, что сидела с ним, отодвинувшись как можно дальше, на моих уроках английского...

Мама «королевича», рассудив верно, что ЕГЭ ей не пережить, вовремя пристроит сына в колледж с небольшими затратами. Симпатичный юноша с доброй и отзывчивой душой, уже сейчас мечтающий (но пока не осознающий это) о подружке, будет скоро ею найден и выбран. Мама, схватившись за голову, обзвонит всех родных и расскажет о «нахалке», которая хочет женить на себе ее наивного сына. Ну посмотрите же, видно сразу, что вертихвостка! Свадьба будет скромной, традиционной: белое платье с округлившим-

ся животиком, смущенный от скорости случившегося жених и недоброжелательно глядящие друг на друга только что породнившиеся стороны. Молодой папа будет гулять с малышами, помогать им с уроками, отдавать всю зарплату супруге и иногда с тоской поглядывать на шалаш, который строят во дворе уже другие мальчишки и мечтать о... новой машине! Но жена прикрикнет: а ботинки детям? А холодильник новый? А на море летом с детьми съездить? И отгонит он смелую мысль про машину, как надоевшую муху, отмахнется и продолжит жить дальше.

...Ничего их не свяжет в этой жизни, кроме моего оливкового диванчика, уроков английского, настольных игр, в которых «королевич» Елисей аккуратно протягивал карточки «царевне Несмеяне», не переходя границ дозволенного, даже не коснувшись ее руки. А встретившись, узнают ли они друг друга в своих взрослых жизнях когда-нибудь – это интересно...

8

*Вся гордость учителя в учениках,
в росте посеянных им семян.*

Д. С. Менделеев

Среди шумной толпы подростков с родителями, пришедших на собеседование в начале учебного года, я их заметила сразу. Спокойная, скромная мама и белокожая, с темными длинными волосами и миндалевидными глазами («это рысьи глаза твои, Азия...») девочка. Они сидели несуетно, с улыбкой, всех пропускали вперед и наконец остались в кабинете одни.

– Ну, иди ко мне, восточная красавица! – сказала я и перешла на английский, усадив девочку поближе ко мне, на первую парту.

Мама молча и с нескрываемым интересом, но не одергивая и не вмешиваясь, как это часто бывает, наблюдала за диалогом на неизвестном ей языке. Видно было, что она переживает и одновременно гордится тем, что тринадцатилетняя дочка может поддержать разговор.

Леночке повезло. Долгое время, несмотря на нетерпение администрации, я не могла подобрать ей подходящую по возрасту и уровню группу для утренних занятий, и она занималась одна. Самое главное я поняла в день нашего знакомства: чудо – девочка! Опять мой любимый цвет и размер,

цитируя незабвенного героя А. Милна. Любопытная, трудолюбивая, открытая, общительная, с хорошими данными, а болтушка какая, что еще поискать! А хороша-то как! Ахматовские «рысьи глаза» можно продолжить эпитетом «лунолика», «чернобровая» и завершить есенинскими строчками «Шаганэ ты моя, Шаганэ!» Прекрасная кожа, не знавшая проблем в подростковый период, зарождающаяся женственность, которой еще предстоит распуститься и одарить всех своим величием, лишит покоя всех особей мужского пола.

Обучение доставляло радость нам обоим, но в центре Лингвистики через два месяца сочли эту «группу» нерентабельной (четно говоря, я думала, это случится раньше), и Леночка перебралась ко мне на индивидуальные занятия. Успехи не заставили себя долго ждать: она стала неплохо разбираться в грамматике, с удовольствием читать английскую литературу и болтать, болтать без умолку! Мне было любопытно наблюдать за тем, что девочка при скромном достатке родителей и большой любви, выросла понимающим, неизбалованным, а главное – счастливым ребенком.

К моему удивлению, папа оказался моим земляком: уехав из Города Детства, он встретил свою будущую супругу в России. Спустя семнадцать лет после рождения девочек-близнецов появилась на свет Лена – папина последняя надежда на сына. Конечно, вся любовь досталась ей, но как умело, мудро и по-женски она ею пользовалась! Папа не сходил

с ее уст – и смешной, и строгий, и любящий веселые компании, многочисленную родню, и контролирующий женскую половину семьи – он сумел сохранить удивительно теплые взаимоотношения с младшей дочерью. По мере взросления ее тон становился все более ироничным и снисходительным по отношению к стареющему папе, но сколько любви было в этих играх – ссорах и разговорах о папиной строгости! Я любовалась этим! Она вертела папой так незаметно, как могла это делать умная женщина, при внешнем повиновении и преувеличенном страхе перед кавказским мужчиной.

Урок уже давно закончился, за окном – зимняя темень и пронизывающий ветер. Папа ждет уже более получаса во дворе, а мы не можем наговориться. Сегодня обсуждаем роман Л. Улицкой «Зеленый шатер» – прекрасно подходит ко многим направлениям декабрьского сочинения.

– Папочка, ну ты когда приедешь? Уже? Нет... у нас еще урок... я же сказала – позвоню, когда буду заканчивать. Нет, пап, не ты мне должен звонить, когда подъедешь, а я тебе. (улыбается мне заговорщицки) ... Придется подождать... ты меня опять неправильно понял (все он понял правильно!) ...Да!...Тебе привет от Э.М...да папочка, и я обязательно передам!

Ленин отец не хватал звезд с неба, и деньги не давались ему легко – не пренебрегая никакой работой, он делал все, чтобы девочки не нуждались. Старшие уже давно разъехались. С замужеством первой рухнула папина мечта о зяте –

армянине, но русского сына он, поворчав, принял очень тепло, а белокурая внучка окончательно растопила сердце черноволосого, усатого деда.

Выбор будущей профессии, к удивлению родителей, был сделан Леночкой давно окончательно и бесповоротно: медицина. Без неопределенности и неуверенности, куда пойти. Без метаний со стороны в сторону. Без навязчивых идей родителей. Решила все сама, лет в двенадцать. В роду врачей не было, но Лена знала точно: будет лечить людей. Дополнительные занятия по химии-биологии, русскому-английскому, отличная учеба в школе и участие во всех школьных мероприятиях – и своего Леночка добилась. Сдав ЕГЭ по моим предметам с прекрасными результатами, она поступила в медицинский университет и удивляет однокурсников и преподавателей знаниями. Иностранцы рады возможности поговорить с ней на английском, а друзья просят помочь с контрольными и курсовыми. Что же – прекрасное начало интересной жизни: врач со знанием английского будет достойно представлять нашу страну на международных конференциях.

Папа решился на отъезд дочки (тысяча километров от дома!) нелегко: проводил, отвез все необходимое, забив доверху старенькую машину, и... замолчал на месяц. Его любящее сердце не могло принять тишину, образовавшуюся дома. Такую громкую и нетерпимую! Леночка не рассказывает в захлеб о школьной жизни, не варит любимый папин кофе,

не бегает с двумя джезвами по папиному зову во двор, чтобы угостить его друзей, не печет вкусностей, не приводит подружек в их скромную квартирку, не просит (нет, не убеждает в необходимости!) новых нарядов. Хорошо, что крошечная собачка лает и требует прогулок – иначе можно было бы просто сойти с ума! Папа когда-то ворчал и не соглашался с тем, что в дом принесли это существо, а теперь, прежде спящая с Леной скандалистка нашла приют в папиной кровати. Потом пришло понимание, что детей нужно уметь отпускать, и это нормальный ход вещей, и папа стал учиться жить дальше. Мама, просидевшая по состоянию здоровья дома много лет, спасаясь от тишины, ушла на работу. Папа снова заговорил с непокорной дочкой!

Леночку отпускать было нестрашно! Готовит, печет, следит за домом. Квартирная хозяйка удивлялась – и котлеты сама делаешь? И блины печешь? И постельное гладишь? Зачем это? У вас все на Северном Кавказе такие? Больше всего пожилую женщину удивляло то, что все вечера «жиличка» проводит дома, за книжками.

В семнадцать лет в ее жизнь пришла любовь, но она отказывалась так ее называть («Мы дружим... Мне же надо учиться!»). Двадцатилетний парень бережно относился к школьнице, понимая особенности ее воспитания, сам был из этой песочницы...

- Э.М., Вы представляете, он еще больший болтун, чем я!
- Нет, быть такого не может! В природе не встречала!

(смеюсь)

– Может, правда! Мы часами сидим в машине и не можем наговориться!

Родители находились в неведении, с кем дочка ходит в кино, кто ее провожает домой после занятий. «С подружками Ксюшей и Наташей», – говорила Лена и они верили или делали вид, что верят. Как-то раз, едва выйдя из машины, предусмотрительно оставленной в конце дома, девушка запрыгнула в салон снова, увидев папу. Сердце чуть не выпрыгнуло от того, что папа может подумать о ней плохо. И на выпускной друг приходил тайком, затерявшись среди многочисленной толпы родственников и родителей учеников, с большим букетом цветов, и с восхищением смотрел на свою красавицу. Только уехав в другой город, она призналась себе в том, что это были настоящие чувства.

– Как мне быть? Я боюсь новой жизни – боюсь, что моя изменится, а он останется прежним... боюсь себя и того, что он не сможет ждать долгих шесть лет. Родные говорят, ему нужно жениться...

– Не торопи события, Леночка, время покажет и расскажи родителям о нем! Обязательно! Он хороший парень, и папе обязательно понравится, тем более для него это шанс хотя бы тебя увидеть замужем за армянином (смеется). Хватит скрываться и прятаться – вы же ничего дурного не делаете!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.